

КУЛЬТУРА

Александр Антоненко: Победить вокал как своего врага

► Его карьера ослепительна: в 33 года он спел на сцене «Мет», и его партнершей была звезда оперной сцены Рене Флеминг. А когда-то он полушутя-полусерьезно называл себя в родной Риге солистом Эстонской Национальной оперы.

Тамара Унанова

Десять лет назад Александр Антоненко впервые вышел на сцену «Эстонии» в роли Дона Оттавио в «Дон Жуане» Моцарта, потом были Альфред в «Травиате» Верди и «Жизнь коротка» де Фальи. И в 2004 году — блистательный Герман в «Пиковой даме» Чайковского в постановке Арне Микка. Можно сказать, именно на нашей сцене он состоялся как драматический тенор. Помня об этом и о том, что у него в Эстонии есть друзья и почитатели, он и сейчас выкраивает время в своем плотном графике и раз-два в год приезжает в Таллинн. Чтобы спеть Германа на сцене «Эстонии» (в феврале 2010 года) или поздравить с юбилеем любимого маэстро Эри Класа, с которым было так интересно и радостно работать.

— Я не раз слышала от оперных артистов, что они чувствуют себя уверенно и комфортно, когда за дирижерским пультом Эри Клас. Как вы думаете, почему?

межутка. С Осло меня связывает

— В России выступаете?

Александр Антоненко

Родился 26 июня 1975 года в Риге.

В 1998 году окончил Музыкальный колледж им. Яниса Мединьша по двум специальностям: духовые инструменты и вокал (класс проф. Маргариты Груздевой-Ягминене) и в том же году блестяще дебютировал на сцене Латвийской национальной оперы в роли Оберто в опере Генделя «Альчина».

Обладатель премии Пауля Сакса (2002), Большой премии Латвии в области музыки (2003). В репертуаре — около 20 ведущих партий на сцене Латвийской национальной оперы и множество партий на сценах оперных театров Европы и Америки. Живет в Германии и Латвии. Холост. Любит итальянскую кухню.

нера приносит мне только радость. Наоборот, я обижаюсь, когда считаю, что мои партнеры заслуживают больше аплодисментов, чем получили. Я одеяло на себя не тяну. Конечно, были случаи, когда я видел, что мой коллега просто внаглую тянул его на себя, тогда мне ничего не оставалось, как проучить его.

— Вы поете во многих театрах, участвуете в разных постановках. Не кажется ли вам, что оперные режиссеры в стремлении самовыразиться и поразить публику дошли до абсурда? И не наметилась ли тенденция возвращения к более классическим постановкам?

— Я вижу одну тенденцию: во всех крупных оперных театрах (которые не являются по сути репертуарными — они выпускают 10-15 спектаклей, потом откладывают на два-три года и вновь показывают), в которых поют мировые звезды, ставятся классические, очень красивые, красочные спектакли. Люди должны получать удовольствие не только от того, что слышат, но и от того, что видят. Конечно, режиссер может поменять акценты, но это не должно входить в противоречие с музыкой.

— Кто из режиссеров произвел на вас сильное впечатление?

— Ой, огромное удовольствие получил от работы с Джанкарло Дель

фортепиано — я облегчал голос, но это мне нешло на пользу. И однажды

Я не раз слышала от оперных артистов, что они чувствуют себя уверенно и комфортно, когда за дирижерским пультом Эри Клас. Как вы думаете, почему?

— Думаю, потому что Эри сам пел в молодости — это многое дает. Когда он дирижирует оперой, то про себя поет вместе с певцами, а значит, он буквально дышит вместе с нами. Поэтому с ним очень удобно и хорошо работать. Я не раз встречался с ним на сцене, и для меня Эри Клас всегда был учителем, педагогом, руководителем: работая с ним, я все время рос как певец и музыкант. А в последнее время мы с ним стали, как ни странно, очень близкими друзьями, и он мне открылся с совершенно новой, неожиданной стороны — как человек с большим чувством юмора. Недавно мы с ним встретились в Осло: я пел несколько спектаклей «Кармен» в оперном театре, а он дирижировал балетом «Лебединое озеро». Однажды у нас обоих выдался свободный вечер, и мы провели его на берегу прекрасного озера, за шашлычком, в кругу моих друзей. Эри рассказывал о себе, вспоминал тех людей, которые сыграли важную роль в его судьбе. Давид Ойстрах, Густав Эрнесакс, Николай Рабинович, Борис Хайкин, Альфред Шнитке... Я о них только в книжках читал, а они все были в его жизни! У меня было ощущение, что я прикоснулся к живой легенде. Мне было очень приятно, что Эри пригласил меня на свой день рождения, и я с удовольствием приехал в Таллинн, чтобы поздравить его и спеть две арии.

— Вы тоже, как Эри Клас, прибыли сюда, как говорится, с корабля на бал и завтра снова летите в Осло?

— Да, у меня там в июне еще три спектакля «Кармен». Других предложений пока нет, впрочем, у меня так плотно расписан график, что абсолютно нет свободного про-

межутка. С Осло меня связывает довольно богатый опыт работы в оперном театре: я пел там «Кармен» еще в старом театре, в 2006 году участвовал в новой постановке «Манон Леско» Пуччини.

— Знаю, что вы получили предложение спеть в этом сезоне в «Метрополитен-опера». В каких спектаклях, и кто ваши партнеры?

— Я уже спел в феврале и марте Принца в опере Дворжака «Русалка», поставленной Отто Шенком. Главную женскую партию исполнила Рене Флеминг. Музыкальным руководителем и дирижером был известный чешский маэстро Иржи Белохлавек. Я также принимал участие в гала-концертах, посвященных 125-летию «Метрополитен-опера», были приглашены 23 всемирно известных оперных певца, среди них и Пласидо Доминго. С «Мет» у меня шесть контрактов, в том числе — на роли Самозванца в «Борисе Годунове», Хозе в «Кармен», Каварадосси в «Тоске». Этой осенью я буду петь в «Плаще» Пуччини. Так что у меня довольно много работы в «Мет».

— Не собираетесь перебраться в Соединенные Штаты? У вас ведь вся семья в Калифорнии — родители, сестра и четыре брата.

— Нет, я живу в Риге, во всяком случае официально, но в силу загруженности я бываю там не больше трех недель в году.

В основном я живу в Европе, где и работаю. Пою в Венской Штаатсопере, Дрезденской Semper Opera, Мюнхенской Баварской опере, а также в оперных театрах Стокгольма, Осло, Парижа.

Совсем недавно спел Каварадосси в «Тоске» в Opera Bastille.

— В России выступаете?

— Да, но довольно редко. Последний раз в Москве я был в 2007 году: спел в Большом театре в двух спектаклях — «Кармен» и «Леди Макбет Мценского уезда». Этой осенью приму участие в серии концертов «Легенды о любви», которые проводит Владимир Иванович Федосеев в Большом зале Московской консерватории. Буду петь отрывки из «Отелло» Верди.

— Вы уже до Отелло добрались? Этой вершины тенорового репертуара?

— Я еще в прошлом году пел Отелло. Вначале — на Зальцбургском фестивале, где спел шесть спектаклей «Отелло» под руководством Риккардо Мути. Затем, с ним же, — еще шесть спектаклей в Римской опере.

— Поразительно! Когда-то многие считали вас очень смелым и рискованным человеком, так как в 28 лет вы отважились исполнить одну из сложнейших партий мирового оперного репертуара — Германа. А Отелло — крепкий орешек и для зрелого артиста, и Верди написал эту партию для драматического тенора, а вы ведь начинали как лирический тенор.

— Я начинал даже как сопранист. Моя первая партия в Латвийской национальной опере — Оберто в «Альчине» Генделя, где первые два акта я пел как сопранист, а в третьем акте переходил на тенор. Но я не считаю, что я был лирическим тенором. Мне давали петь моцартовские партии, такие как Дон Оттавио, Феррандо, и благодаря музыкальности, хорошему слуху — я ведь окончил музыкальную школу как валторнист и кларнетист плюс немного играл на саксофоне и

кухню.

фортепиано — я облегчал голос, но это мне не шло на пользу. И однажды дирижер из Литвы Гингарас Ринкявичюс заметил это и сказал: «Он же мучается на этих партиях. Дайте ему покрепче партию, например Измаила в «Набукко». После этого я вздохнул с облегчением, и у меня пошли такие партии, как Каварадосси в «Тоске», Хозе в «Кармен», Эрик в «Летучем голландце» Вагнера, «Реквием» Верди. Ну и Герман (в Таллинне и Риге).

— Помню, вы к нам приезжали со своим рижским педагогом Маргаритой Груздевой, которую вы называли своей второй, музыкальной мамой. Вы с ней сейчас поддерживаете связи?

— От добра добра не ищут, поэтому я до сих пор занимаюсь с ней вокалом. Не скажу, что я такой уж прилежный ученик, но раз в полгода мы обязательно встречаемся у рояля.

— Что вы больше всего цените в своем партнере по сцене и какими качествами он должен обладать, чтобы вы рядом с ним хорошо, комфортно себя чувствовали?

— Больше всего я ценю красивый голос и мастерское владение им — это в идеале. А вообще для меня главное, чтобы мой партнер не дрожал от страха и твердо знал свою партию и рисунок мизансцены. Чтобы я не думал о том, что он сейчас забудет свой текст и мне нужно будет ему подсказывать. К сожалению, такие прецеденты бывали.

— А как вы относитесь к успеху партнера? Бытует мнение, что тенора страшно ревнивы.

— Это не ко мне. Заслуженный — подчеркиваю — успех моего парт-

противоречие с музыкалой.

— Кто из режиссеров произвел на вас сильное впечатление?

— Ой, огромное удовольствие получил от работы с Джанкарло Дель Монако (*сын великого певца Марио Дель Монако. — Т.У.*). Он буквально за три дня поставил в Лейпциге «Манон Леско» Пуччини. Как он работал с хором, солистами! У него была уже готовая концепция. Это была фантастическая постановка! Не могу забыть и «Тоску», которую несколько лет назад поставил в Амстердаме Николос Ленхофф. Мне довелось спеть в ней на фестивале в Баден-Бадене. Лучшей «Тоски» я не знаю.

— Вы пели «Тоску» и в Риге. А сейчас вы там поете?

— В Риге пою, но очень редко.

— Ваш путь вверх, как мне известно, не был усыпан розами. Но, слава Богу, на сегодняшний день все в вашей карьере складывается удачно. Как вы считаете, в чем секрет этого успеха?

— Не знаю... Наверное, в том, что я никогда не стремился к карьере как таковой. Я стремился познать секреты пения, изучить его со всех сторон — как ты изучаешь врага своего, его слабые и сильные стороны, для того чтобы его победить. Вот это моя цель — победить вокал, подчинить его себе. Я работаю ради того, чтобы каждый день самому себе доказывать, что я пою хорошо. Конечно, я рад, что мой эталон пения совпал с эталоном пения других людей, от которых зависит и оперная карьера. Но я никогда не стремился к ней. Я стремился приблизиться к эталону хорошего пения. А то, что хорошее пение мне стало приносить определенные дивиденды и что труд, вложенный в него, стал хорошо оплачиваться... что ж, этому я могу только радоваться.